

Г.М. Птицына

РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ КРЕСТЬЯН ВЛАДИМИРСКОЙ ГУБЕРНИИ В МАРТЕ–ОКТЯБРЕ 1917 г.

Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 17-11-33002.

Анализируются крестьянские религиозные представления во Владимирской губернии в условиях революционных событий 1917 г. Опираясь на данные архивных документов, периодических изданий и выводы отечественной историографии, выявляется степень религиозности сельского населения в марте – октябре 1917 г., образ духовенства на страницах местной прессы, а также отношение сельского населения к духовенству и особенности взаимодействия с ним.

Ключевые слова: крестьянство; Русская революция 1917 г.; Владимирская губерния; религиозные представления; церковь; духовенство.

В современной отечественной историографии становится хрестоматийным представление о нарастающей к началу XX в. секуляризации сознания в Российской империи [1. С. 140]. Однако в отношении непосредственно крестьян бытуют две полярных точки зрения. С позиции одной из них, тесное взаимодействие с городом (миграция, отхожие промыслы), вовлечение в рыночные отношения и расширение кругозора привели в начале XX в. к постепенному обмирщению сознания сельского населения, к так называемому религиозному индифферентизму (см., например, [2. С. 93, 124; 3. С. 93; 4. С. 28–29; 5. С. 72]). Другая же часть исследователей, напротив, приходит к выводу о высокой степени устойчивости крестьянской религиозности к воздействию модернизационных процессов в деревне [6. С. 207, 252; 7. С. 68; 8. С. 99; 9. С. 544].

В данной статье мы ставим задачей выяснить особенности религиозных представлений владимирских крестьян в марте – октябре 1917 г., как эти воззрения вплетались в канву революционных событий и каким образом определили социальное поведение сельского населения.

Еще в XIX в. православие было для сельского жителя не просто сводом правил и обязательных к исполнению обрядов, оно стало основой его миропонимания [10. С. 152]. Христианской верой и обрядностью была проникнута вся жизнь крестьянина – от рождения до самой смерти. Ярko иллюстрируют такую религиозность сельского населения Владимирской губернии в конце XIX в. произведения Н.Н. Златовратского, где описан местный крестьянский быт, пронизанный заветом «без Бога ни до порога» [11. С. 32].

Но вместе с этим на протяжении веков крестьянскому сознанию были присущи дуализм и многослойность: здесь причудливо смешивались православная вера и отголоски языческих культов – приметы и суеверия. Этнограф Г.К. Завойко, в 1911–1912 гг. собиравший материал о крестьянских обычаях Владимирской губернии, отмечает, что владимирский крестьянин отличается чрезвычайной религиозностью. Всякому делу он считает необходимым «начал положить», т.е. осенить себя троекратным крестным знаменем и прочесть краткую Иисусову молитву: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас!» или же только начальные слова ее. «Молитву из

устов никогда не выпускай», – говорили обыкновенно крестьяне. Многие из стариков, а в особенности старухи, даже когда зевали, ограждали рот крестным знаменем, чтобы воспрепятствовать разной нечистой силе забраться внутрь и навредить. У женщин вообще чуть ли не каждый шаг сопровождался призывом имени Христа. Церкви, по сообщениям Завойко, крестьянами посещались охотно и усердно, много жертвуется на благолепие и постройку храмов, на помин души и т.д. [12. С. 81].

В красном углу владимирской крестьянской избы почти всегда имелись «божница» или «киот» с несколькими иконами и лампадкой перед ними. Кроме того, иконы были и вне избы: на столбах, воротах, амбарах и у колодцев. Образ Божий сопровождал крестьянина повсюду – мужчины, женщины и дети обязательно носили на шее «на гайтане» или «на гайташке» (шнурке) крестик либо иконку, обыкновенно медные. Почти в каждом селении имелась деревянная, реже каменная, часовня, а также одна-две часовенки [12. С. 83].

И в то же самое время автор особо подчеркивает, что крестьянин, наряду с христианскими обрядами, сплошь и рядом исполнял еще и древние языческие. «Религиозный хаос, существующий в настоящее время в народной массе, не поддается определению; вера с суеверием постоянно перепутываются между собой, и точно разграничить, где кончается одна и начинается другое, крестьянин не в силах». В Судогодском уезде, например, встав с утра и выйдя в первый раз на улицу, крестьянин молится обыкновенно «на Церковь» или «на часовню», затем – «на восход» («на солнышко»), далее он молится «на столб» или «на ворота», а потом и «на все четыре стороны». При виде восходящего, а также и заходящего солнца, некоторые из крестьян благоговейно снимают шапки и крестятся «на солнышко». В д. Лужки Вязниковского уезда за грех крестьяне считают есть неопаленных поросят, даже если они только обварены; причина тому – вера, что свинья якобы «ясли разрыла», где родился Христос [12. С. 84–85].

Верили крестьяне и в разную нечисть, будь то леший, домовый, русалки, Баба-Яга. Но и они в представлении сельского жителя были тесно взаимосвязаны с верой христианской. Так, например, в одном рассказе леший говорит о себе: «Я такой же человек, как и все люди, на мне только креста нет, – я проклят,

меня мать прокляла». А в д. Брюховая, Вязниковского уезда народ верил, что если на русалку надеть крест, она человеком делается. В д. Мальцевой Вязниковского уезда рассказывали даже о двух случаях, когда на русалках женились деревенские парни, причем священник будто бы через крещение сделал их предвременно людьми.

Переплелся с христианством встречник – злой дух, который, по поверьям д. Таковец того же уезда, в виде воздушного потока мчится по проезжим дорогам за душой умирающего грешника, особенно самоубийцы. Человека или же лошадь, повстречавшихся ненароком этому духу на пути, он «силой своей окаянной» почти мгновенно расширяет. От встречника можно было, по представлениям крестьян, излечиться прощением с землей: «...прости, матушка, сырая земля, раба Божия N» [12. С. 100–111].

Становится очевидным, что при всей своей значительности отголоски языческих культов в религиозных представлениях крестьян в начале XX в. не были равноценны христианству. Большую роль в сохранении такой двойственности сыграли природно-климатические факторы, которые обусловили особенности психологических характеристик сельского населения. Худые и малоплодородные почвы центрального нечерноземья, суровый климат и короткий сезон земледельческих работ («страда») при господстве трехполья сформировали не только трудолюбие, поворотливость и проворность русского крестьянина. Крайне неблагоприятные условия часто сводили на нет результаты тяжелого, изнуряющего крестьянского труда, что порождало в сознании русского крестьянина идею всемогущества Господа Бога. Судьба даже минимального урожая полностью зависела от непредсказуемой погоды, что также погружало русского крестьянина в пучину суеверий, примет и обрядов [8. С. 98; 13. С. 80, 84].

Склонность к дуализму сохраняется в крестьянском менталитете и в 1917 г. В это время происходит слияние политического и религиозного сознания, в результате которого возникает так называемый христианский социализм [14. С. 83]. Примечательно, что в городах и селах Владимирской губернии смену власти праздновали по схожему сценарию, менявшему только последовательность – сначала под звон колоколов торжественная процессия, украшенная красными флагами и революционными лозунгами, шла на богослужение, а затем двигалась на митинг. Не только упоминания, но и красочные описания таких праздников можно найти в местной прессе.

Например, 6 марта с раннего утра в Юрьев-Польский со всех сел и деревень потянулись крестьянские обозы. Все собрались на центральной площади города. Ровно в 11.00 все местное духовенство, под перезвон колоколов Соборной церкви и в сопровождении войск, впереди которых реяли красные знамена с надписями «Да здравствует свободная Россия» и «Ее народом избранное правительство», подошло к площади для молебна «о даровании свободному народу русскому и его великой армии победы над врагом, благополучия и счастья».

Еще до начала молебна священник местной кладбищенской церкви произнес вдохновенную речь по

поводу переживаемых событий. В глубоком молчании молился освобожденный народ. По окончании молебна огромные толпы народа «продефилировали» по улицам, была пропета «Вечная память» павшим борцам за свободу [15. № 56 (11 марта). С. 4].

В этот же день в с. Ставрово Владимирского уезда было торжественно отпраздновано «уничтожение старого деспотического правления». Было шествие с флагами, говорились речи о значении этого великого события для России. Торжество закончилось благодарственным молебствием в храме. «Народу было так много, что очень обширный храм еле вместил всех, много народу было из окружающих селений» [Там же. № 58 (14 марта). С. 3].

Из села Казакова Муромского уезда сообщают: «12 марта состоялся первый всесословный волостной сход. Народу было столько, что, судя по собравшимся, можно подумать, что в домах никого не осталось, так как тут были: глубокие старики, подростки, дети, более всего женщин, а также было и духовенство. Перед открытием был отслужен благодарственный молебен в местном храме. На сходе были произнесены речи прибывшими делегатами: агрономом, офицером и солдатом, в коих последний успеха среди публики имел более, т.к. на его речь лилось долгое и несмолкаемое “ура”. Ему высказана благодарность от многих граждан» [16. № 16 (22 марта). С. 3].

«Весть о революции, об отречении от престола Николая II дошла до нашей волости только 7–8 марта, – сообщает народный корреспондент из Мордовинской волости, Гороховецкого уезда. – Первоначально народ при такой вести как бы поник головою, ожидали, что-то будет. Ожидали, что настанет конец мира». Такое настроение автор объясняет тем, что в волости кроме стариков и женщин среднего возраста мужчин нет. Затем в церкви был прочитан манифест об отречении от престола, было объяснено: почему отрекся царь от престола, к чему привело самовластие, какие еще большие невзгоды и несчастья ожидали бы Россию, если бы не сменилась власть. Тогда «народ уже более спокойно стал ожидать дальнейших событий».

Затем 12 марта был созван волостной сход для выбора Волостного комитета. Перед выборами опять был прочитан и разъяснен манифест об отречении от престола, с призывом помолиться «об умирении мятежа». Во время молебна было провозглашено многолетие Державе Российской, воинству и вечная память борцам за свободу. После молебна было объяснено: из кого и как составилось Временное правительство, объяснено значение свобод, народ призывался к дружбе и совместной работе с Временным правительством [Там же. № 25 (6 апреля). С. 6].

Слилось с революцией и празднование Пасхи, например, заканчивая свое письмо к сестре, дочери мешанина г. Вязники, учительнице церковно-приходской школы, солдат пишет: «Поздравляю тебя с новым правительством, свобода! Ура! И также с праздником св. Пасхи» [17. С. 187]. В Петрограде даже продавались пасхальные открытки с поздравлениями такого же характера: «Христос воскрес. Да здравствует республика!», «Христос воскрес. Свобода России»,

на них были помещены изображения солдата и рабочего, озаренных «солнцем свободы» [14. С. 83].

Очевидно, что церковь всячески подпитывала такое слияние христианства и революции в народном сознании. В конце марта во Владимирских Епархиальных Ведомостях в отделе неофициальном напечатано воззвание под ярким заголовком «Христос Воскресе, Христос Воскресе, Христос Воскресе!», которое гласило: «Наступающие дни величайшего христианского праздника свободная Россия встречает при новых условиях своего политического и общественного существования. Пусть же источник жизни, воссиявший человечеству из Живоносного Гроба, оживит и новые формы нашего бытия, и освятит их той неизгладимой печатью духа Христова, без которой нет истинной свободы. Забудем, братья, все наши партийные распри и разногласия, взаимные обиды и препирательства, и в единении любви рцем и ненавидящим нас: «простим вся воскресением» [18. № 13 (30 марта). С. 170].

По знакомому сценарию проходило и празднование 1 мая (18 апреля). Граждане с. Кощева Юрьевского уезда после церковной службы и благодарственного молебна ходили по улицам, украшенным красными флагами и знаменами с надписями «Земля и Воля», «Да здравствует Свободная Россия и Социализм», с пением революционных песен. Потом состоялся митинг, где «ораторы-крестьяне» произносили речи о земле и крестьянском самоуправлении, а в самом конце постановили насадить деревья «в память великих дней обновления России» [16. № 54. (13 мая). С. 4]. Благодарственный молебен с панихидой по убитым на поле брани воинам и павшим борцам за свободу прошел 1 мая «при большом стечении народа» и в деревне Вахромеево Ковровского уезда [15. № 87 (25 апреля). С. 3].

В конце лета описал свое пребывание в деревне в качестве лектора корреспондент А. Вахлин. Крестьяне с интересом слушали, обсуждали и задавали много вопросов, когда же встал вопрос о ночлеге, толпа зашумела: «Чай мы православные, ночлег дадим». А провожая его на следующий день, староста говорил: «Старуха Акулина после вашей речи пошла домой, перекрестилась и говорит, что должно антихрист родился» [Там же. № 168 (25 августа). С. 3].

Во второй половине сентября Меленковский уездный комиссар сообщает, что религиозного движения в уезде нет, но религиозность среди мужского населения понизилась [19. Л. 112]. Вторит этому сообщению и отчет Меленковского исполкома за 1917 г., где ни разу не упоминаются конфликты на религиозной почве [20. Л. 2–10]. Подобные конфликты также практически не упоминаются в отчетах других уездных комиссаров и редко всплывают прессе, но за редкостью они не становятся менее информативными, и попытка осветить подобные исключения будет представлена ниже.

Таким образом, религиозность крестьян Владимирской губернии на протяжении революции 1917 г. оспорить довольно сложно. Особенной религиозностью отличались женщины. Отступление от православия если и наблюдалось, то прежде всего, среди отходников, солдат и подрастающей молодежи, т.е. тех групп крестьян, которые подолгу отсутствовали в

деревне и активно взаимодействовали с городом. Однако совершенно иным было отношение сельских жителей непосредственно к духовенству. И речь здесь не только о периоде март – октябрь 1917 г., рост негативного отношения к клиру наблюдался еще с конца XIX в. Если до революции среди основных причин негативного отношения к духовенству видели в поборках на разного рода требы, землевладении и сговоре с дворянством [4. С. 28–29; 5. С. 72], то теперь к ним прибавляется еще и обвинение в шпионаже, контрреволюционном заговоре.

Уже в марте Архиепископ Владимирский и Шуйский Алексей пишет, что к нему в последнее время стали часто поступать просьбы от прихожан за подписью отдельных лиц или группы лиц об увольнении священников, о назначении членов клира на праздные места, с жалобами на членов клира по тем или иным причинам. Алексей заявил, что движение он будет давать таким просьбам только тогда, когда они будут исходить от всех прихожан или от не менее двух третей общего числа, и подобные ходатайства должны предоставляться в виде приговора крестьян, подписанного сельским старостой или волостным старшиной с приложением казенной печати [18. № 13 (30 марта). С. 167].

«Сельское духовенство забило тревогу», – пишет местный священник в июньском номере Старого Владимирца. – Мало было связи у духовенства с приходом при старом строе и это отчуждение сильно чувствуется теперь». При этом добавляет, что батюшки на местах заняли неопределенное положение: идти ли рука об руку с прихожанином или выждать благоприятного момента. Некоторые энергичные батюшки пошли навстречу движению, выступают с речью на крестьянских собраниях, выбираются уполномоченными на разные съезды. Были попытки организовать приход как самостоятельную единицу, на новых началах, но из-за смешения православных со старообрядцами объединение прихода дается очень трудно [15. № 117 (22 июня). С. 3]. Образ гнетущей для духовенства ситуации на селе усиливает еще и то, что этом же номере размещено объявление некоего священника с просьбой перевестись из села в город [Там же. С. 4].

Главным камнем преткновения стало церковно-монастырское землевладение. С самого начала революции волостные собрания и сходы посягали на реквизицию церковных земель. Например, 7 апреля в Суздальском уезде Коварчинское волостное собрание в количестве 120 человек постановило «просить о передаче сельскому населению всех кабинетских, удельных, казенных, помещичьих и частновладельческих, монастырских и церковных земель» [16. № 33 (15 апреля). С. 4]. А в Покровском уезде Короваевский волостной сход, на котором присутствовало около 1 000 человек постановил реквизировать половину скота у помещиков и духовенства на нужды армии [Там же. № 34 (16 апреля). С. 4]. Прихожане с. Перников ходатайствовали о запрете основания женского монастыря при д. Новоселове, который будет стеснять земельные владения крестьян смежных селений [15. № 83 (20 апреля). С. 3].

На епархиальном съезде во Владимире после горячих прений между клиром и мирянами по вопросу о церковных землях, в итоге постановили, что до решения аграрного вопроса Учредительным Собранием никаких изменений не вносить [Там же. № 99 (9 мая). С. 3]. Однако волостные исполкомы, чувствуя свою силу и безнаказанность, могли своими приговорами самовольно менять условия аренды монастырских земель, а также использовать часть пашен и лугов под собственные нужды. Погромного характера такие конфликты не носили, а принимали вид имущественных споров, за решением которых стороны обращались в уездные и губернские исполкомы, духовную консисторию, а также к комиссарам [21. Л. 1–6; 22. Л. 12–15]. В пользу крестьян такие вопросы решались чаще [23. Л. 46, 51–53].

Вызывали негодование поборы на разного рода требы, что выразилось в пожеланиях прихожан на одном из съездов с духовенством, в которых крестьяне всегда принимали активное участие: обеспечить священников жалованием за счет церковных и монастырских сумм, а также пенсией и уравнивать доходы сельского и городского духовенства [15. № 86 (23 апреля). С. 3]. В июльской местной хронике «Старый Владимирец» сообщает: «Священники увеличили плату за крещение подкинутых младенцев с 1 рубля до 2-х. Дороговизна отозвалась и здесь» [Там же. № 135 (14 июля). С. 3].

На общей волне локальных грабежей и хулиганства некоторые были не прочь поживиться и церковной утварью. Так, в Судогодском уезде в Георгиевском погосте в ночь на 7 сентября в местной церкви похищена церковная утварь: 2 серебряные чаши, 3 ковчега, 4 напрестольных креста и 300–400 руб. денег. Воры проникли через северные ворота со взломом наружного замка. Все похищенное оценили в более чем 13 тыс. рублей. Важно, что сообщение об этом инциденте напечатано под заголовком «Святотатство» [24. № 4 (16 сентября). С. 2].

В Переславском Даниловом монастыре 13 октября в отсутствие настоятеля было совершено ограбление, которое в прессе окрестят «дерзким». Около 4 часов пополудни в келью архимандрита ворвались три вооруженных револьверами грабителя и пригрозили келейнику смертью указать, где хранятся деньги. Всего похитили около 7 тыс. руб., в том числе монастырских около 2 тыс. и золотые часы. Привязав келейника к кровати, никем незамеченные скрылись [19. Л. 143; 21. Л. 1–6].

Но самое будоражающее событие произошло в Шуйском уезде. 14 сентября в праздник Воздвижения в Воскресенско-Федоровском женском монастыре в д. Сергееве был произведен самовольный и насильственный захват храма во имя Михаила Архангела [25. Л. 38; 26. № 122. 12 сентября]. Хотя это и было явлением для губернии единственным, да и к тому же произошедшим в промышленном районе, но подробности этого захвата живописно показывают разницу в отношении крестьян к вере христианской и к духовенству.

В 8.00 утра, когда в монастыре еще не начиналась церковная служба, толпа прихожан Воскресенско-Сергеевской церкви д. Сергеева, в числе 50, а по дру-

гим сведениям, в 200–250 человек, состоящая исключительно из мужчин, подошла к келье игуменьи – настоятельницы монастыря: Игуменья мать Афанасия, увидя толпу, вышла на балкон и спросила о причинах ее появления. Собравшееся потребовали передать им ключи от храма Михаила Архангела и сам храм, как принадлежащий Воскресенско-Сергеевскому приходу и незаконно находящийся в пользовании монастыря. В ответ на требование толпы мать Афанасия заявила, что выдать ключ от Храма и сам храм она не имеет права, так как это зависит от высшего патриархального начальства, прибавив, что храм Михаила Архангела находится в пользовании монастыря уже 30 лет. Толпа, не удовлетворившись ответом, стала угрожать силой отнять храм.

Далее упоминаются два священника, но совершенно в разных ипостасях. Первый – приходской священник этой деревни о. Павел Беляев, который находился в толпе и говорил своим прихожанам, что церковь Михаила Архангела раньше принадлежала приходу и лет 27 тому назад подложно была уступлена монастырю. Второй – о. Михаил Быстровзоров, который пришел для совершения богослужения, и, поняв в чем дело, стал объяснять, что ключи от храма мать игуменья выдать им не в праве и советовал просить о передаче храма у епархиального начальства, на что толпа ответила, что теперь власть в их руках, и они не уйдут, пока не получат ключей. Видя, что ключи от храма добровольно выданы не будут, толпа начала буйствовать и расправляться с находившимися во дворе монахинями, послушницами и частными лицами, проживающими в монастыре.

В чем еще обвиняли монахинь? Когда мать Доротея начала объяснять, что ключи не могут быть выданы, ее отогнали, а затем к ней подошел Василий Торшин и, говоря «Зачем она здесь – выслеживать народ и личностей, я тебя арестую», схватил ее за руку, но она вырвалась и ушла; монахиню Капитолину, находившуюся на улице у крыльца, схватил Спиридон Торшин и, желая ее арестовать, повел к помойному сараю, но она ухватилась за дерево, и запереть в сарай ее не удалось; послушницу Е.М. Скрипкину какой-то мужчина взял за руку и также хотел втащить в помойный сарай, но она вырвалась, затем, по-видимому, тот же мужчина схватил за грудь послушницу Ф.А. Бабашеву и начал ее трясти, приговаривая: «Что, пришла шпионить», а в Василий Торшин при этом кричал: «Прибавь еще, набралось их сюда Судогодских». Послушницу А.М. Пономареву какие-то парни втащили в чулан и заперли, но старшие, боясь, в сарае она будет подслушивать, выпустили ее и стали требовать – «Подать им игуменью». Пономарева, ответив, что дверь открыть не может, ушла. Стоявшую у чулана послушницу А.С. Логинову толпа с криком «зачем она здесь» втолкнула в чулан и заперла; проживающего в монастыре Д.Г. Гаврилова Спиридон Торшин схватил за руку и стал толкать, говоря: «Уходи отсюда», а другие в это время нанесли ему два удара по шее.

После всех описанных буйств, ужасных не только потому, что бесчинства совершались над лицами духовными, но и особо потому, что это насилие толпы мужчин над безоружными женщинами, ключи оказа-

лись у захватчиков. И самое важное то, что, открыв храм, толпа вошла в него, пропела «Царю Небесный» и вышла! Храм заперли и ключ передали приходскому церковному старосте Т.Н. Смирнову.

Местная пресса внесла свою лепту в дело формирования негативного образа духовенства. Весь апрель—май на страницах газеты «Старый Владимирец» бушевали нешуточные страсти вокруг владимирского архиерея Алексия. Его публично обвинили в том, что он посылал брошюру с дарственной надписью Распутину. Шла судебная тяжба между Алексием и редактором газеты П.Ф. Леонтьевым. Помимо этого само духовенство обвиняло его в очень жестких, авторитарных методах управления епархией, ситуация с обвинением в центральных изданиях лишь подлила масла в огонь, став отличным поводом для его громкого переизбрания [15. № 117 (22 июня). С. 3–4]. В это же время публикуется пространный фолетон «Из современного быта князей церкви» [Там же. № 92–93 (30 апреля). С. 2–3].

В начале июля в течение нескольких номеров публикуется сатирический рассказ Семёна Подъячева «Герой дня» про сельского священника отца Власия и церковного старосту, дядю Игнатия, прозванного «богатая буржуя» в некоей деревне, пораженной небывалой засухой. «Уныние, злоба и затаенный страх охватили деревню», а Игнатий злобствовал и радовался, предложил бежать к священнику. Поддержала вся деревня, особенно бабы, а мужики молчали и старались не смотреть друг на друга. Отец Власий один воспитывает пятерых дочек, высохло в огороде все, никто работать к нему не идет. Была одна, да и та ушла, обозвав «стоялым жеребцом». Батюшка рисуется озлобленным, измученным да охочим до крепкого словца.

«Отслужили на скорую руку утреню, потом обедню и, подняв иконы и хоругви, или как их зовут в деревне “херовы”, пошли ходить по полям и молебствовать». Пришел батюшка домой, еще раз удостоверился, что барометр падал. Пошел дождь. Но больше был доволен Игнатий, он был горд и чувствовал себя каким-то героем. «Через тебя что ли дождик-то шел? Что ж тебя теперича в рамку врезать, да молиться на тебя? Чудотворец какой новый-явленный, герой», – посмеялись мужики и разошлись [15. № 123 (29 июня). С. 2–3, № 124 (1 июля). С. 3; № 125 (2 июля). С. 3. № 126 (4 июля). С. 3–4].

В печати подчеркивалось нежелание некоторых священников участвовать в строительстве новой жизни, что также добавляло штрихи к негативному образу клира. Например, в с. Новосёлки Шуйского уезда

25 марта по инициативе местного учителя прихожане учредили общество просвещения. Для создания средств на это дело приходом единогласно было решено: «пустить в церкви кружку». Местный священник всему этому делу противился, чем обострил отношения с прихожанами. Но приход не послушал запугиваний батюшки и настоял на своем. «Теперь каждая из 7 деревень прихода имеет 1–2 газеты и пользуется учрежденной при церковной сторожке библиотекой» [15. № 86 (23 апреля). С. 3].

По окончании митинга в с. Кошево Юрьевского уезда, о котором уже упоминалось выше, было посажено 300 тополей и лип вдоль трех улиц села с тем условием, что крестьяне будут поддерживать деревца. В статье особо подчеркнуто, что не подчинились этому общему желанию лишь бывший старшина Гульдяшев, да священник села о. Тихомиров посадил деревья только на третий день и не по указанной линии [16. № 54. (13 мая). С. 4]. А при описании уездного съезда клира и мирян сказано, что на процедуре выборов духовник «открыто шептал на ушко» мирянам нужную кандидатуру, но они были непреклонны и провели своего делегата [15. № 86 (23 апреля). С. 3].

Данные архивных документов свидетельствуют, что сразу после свержения монархии духовенство входило в состав волостных и уездных исполкомов, а также в губернский комитет [27. Л. 63]. Но уже в начале лета, в результате перевыборов, их там уже не оказалось [28. Л. 260–261], что также свидетельствует об отсутствии доверия со стороны населения.

Таким образом, источники свидетельствуют не об обмирщении сознания, а о нарастающих антиклерикальных настроениях крестьян Владимирской губернии в исследуемый период. Революционные события органично вплелись в христианскую картину мира сельских жителей. Оставаясь на протяжении марта–октября 1917 г. глубоко религиозным, крестьянство негативно относилось к духовенству, в большей степени считая его иждивенцем. В глазах жителей деревни церковь как институт оставалась прежде всего землевладельцем, которого революция должна была уравнивать в правах с рядовыми общинниками. Подлила масла в огонь и местная пресса, которая зачастую в своих материалах формировала образ ушлого, жадного до наживы священника, противника устройства новой жизни. Однако важно отметить, что разного рода погромные движения в отношении церковного-монастырского землевладения и имущества массового распространения во Владимирской губернии не получили.

ЛИТЕРАТУРА

1. Egorova G.S., Petrovicheva E.M. The secularization of the Russian mind in the nineteenth century (case study: old-believer merchants) // *European Journal of Science and Theology*. October 2017. Vol. 13, № 5. P. 131–142.
2. Поршнева О.С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны, 1914–1918 гг. : дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2000. 359 с.
3. Кабытов П.С. Русское крестьянство в начале XX в. Самара : Самар. ун-т, 1999. 156 с.
4. Садырова М.Ю. Церковь и духовенство в представлениях русского крестьянства в начале XX века (по материалам среднего Поволжья) // *Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена*. 2010. № 120. С. 27–33.
5. Андреева Л.А., Элбакян Е.С. Отношение к духовенству сословий и социальных групп Российской империи (начало XX века) // *Социологические исследования*. 2011. № 10. С. 69–80.
6. Православная жизнь русских крестьян XIX–XX веков: Итоги этнограф. исслед. / РАН. Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая ; ред. кол. Т.А. Листова и др. М. : Наука, 2001. 363 с.

7. Воронина Т.А. Традиции соблюдения поста в крестьянской среде в XIX – начале XX в. // Россия и современный мир. 2010. № 3 (68). С. 136–147.
8. Синякина Е.Г. Психологические характеристики русского крестьянства до революции 1917 года // Психологический журнал. 2011. Т. 32, № 3. С. 96–104.
9. Сухова О.А. Десять мифов крестьянского сознания: очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX – начало XX в.) по материалам Среднего Поволжья. М. : РОССПЭН, 2008. 677 с.
10. Безгин В.Б. Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – начала XX века). Москва ; Тамбов : Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2004. 304 с.
11. Прибылов Ю.А. Произведения Н.Н. Златовратского как источник для изучения религиозной жизни крестьян Владимирской губернии во II половине XIX в. // Материалы XVII межрегиональной краеведческой конференции (20 апреля 2012 г.) : в 2 т. Владимир, 2013. Т. 2. С. 28–33.
12. Завойко Г.К. Верования, обряды и обычаи великороссов Владимирской губернии // Этнографическое обозрение. 1914. № 3-4. С. 80–121.
13. Милов Л.В. Природно-климатический фактор и менталитет русского крестьянства // Общественные науки и современность. 1995. № 1. С. 76–87.
14. Колоницкий Б.И. Символы власти и борьбы за власть: К изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб., 2012. С. 83.
15. Старый Владимирец. 1917.
16. Известия Владимирского губернского Временного Исполкома. 1917.
17. Богатырёва Л.П. Дореволюционная Россия в письмах провинциалов // Рождественский сборник. Ковров, 2006. Вып. XIII. С. 184–188.
18. Владимирские епархиальные ведомости. 1917.
19. Государственный архив Владимирской области (далее – ГАВО). Ф. 1186. Оп. 2. Д. 42.
20. ГАВО. Ф. 1190. Оп. 1. Д. 10.
21. ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Д. 5045.
22. ГАВО. Ф. 1186. Оп. 2. Д. 65.
23. ГАВО. Ф. 1181. Оп. 1. Д. 120.
24. Владимирская жизнь. 1917.
25. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 1791. Оп. 6. Д. 70.
26. Шуйские известия. 1917.
27. ГАВО. Ф. 1183. Оп. 1. Д. 3.
28. ГАВО. Ф. 1181. Оп. 1. Д. 56.

Статья представлена научной редакцией «История» 4 апреля 2019 г.

Religious Views of the Peasants of Vladimir Guberniya in March–October 1917

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 444, 143–149.

DOI: 10.17223/15617793/444/18

Galina M. Ptitsyna, Vladimir State University (Vladimir, Russian Federation). E-mail: ms_ptitsina@mail.ru

Keywords: peasantry; Russian revolution of 1917; Vladimir Guberniya; religious views; Russian Orthodox Church; clergy.

The religious representations of the peasants of Vladimir Guberniya in 1917 under the revolutionary events of the year are analysed in this article. Relying upon the analysis of archive documents and periodicals of Vladimir Guberniya and the conclusions of the national historiography, the author reveals the degree of religiosity of the peasantry in March–October 1917, the image of the clergy in the local press, the attitude of the peasantry towards the clergy and the specifics of interaction with them. The author concludes that the religiosity of the peasants of Vladimir Guberniya during the Russian revolution of 1917 is difficult to challenge. Women were especially religious. A retreat from Orthodoxy was mostly observed among seasonal workers, soldiers and growing young people, that is, groups of peasants who were long away from the village and actively interacted with the city. In 1917, the propensity to duality was preserved in the peasant mentality, too. The revolutionary events organically intertwined in the rural residents' Christian picture of the world. At the time, the political and religious consciousness was merging, which resulted in the so-called Christian socialism. It is noteworthy that, in the cities and villages of Vladimir Guberniya, the change of power was celebrated according to a similar scenario, with the altering sequence of events. First, with the chimes of the bells, the solemn procession carrying red flags and revolutionary slogans went to a worship service and then moved to a rally. Not only references, but also colorful descriptions of such holidays can be found in the local press. However, the attitude of the villagers towards the clergy was completely different. Historical sources show the growing anti-clerical moods of the peasants of Vladimir Guberniya in the period under investigation rather than the secularization of consciousness. Remaining deeply religious throughout March–October 1917, the peasantry had a negative attitude towards the clergy, considering them dependents. In the eyes of the villagers, the church as an institution remained primarily a landowner, whom the revolution was to equalize with the ordinary members of the community. The local press also poured fuel on the fire by forming the image of a cunning, greedy priest, an opponent of the new way of life. However, it is important to note that various kinds of pogroms against church-monastic land ownership and property were not common in Vladimir Guberniya.

REFERENCES

1. Egorova, G.S. & Petrovicheva, E.M. (2017) The secularization of the Russian mind in the nineteenth century (case study: old-believer merchants). *European Journal of Science and Theology*. October. 13 (5). pp. 131–142.
2. Porshneva, O.S. (2000) *Mentalitet i sotsial'noe povedenie rabochikh, krest'yan i soldat Rossii v period Pervoy mirovoy vojny, 1914–1918 gg.* [The mentality and social behavior of workers, peasants and soldiers of Russia in the period of the First World War, 1914–1918]. History Dr. Diss. Yekaterinburg.
3. Kabytov, P.S. (1999) *Russkoe krest'yanstvo v nachale XX v.* [Russian peasantry at the beginning of the 20th century]. Samara: Samara State University.
4. Sadyrova, M.Yu. (2010) Church and clergy in the perceptions of Russian peasantry at the beginning of the 20th century (based on the materials of the Middle Volga Region). *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena – Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. 120. pp. 27–33. (In Russian).

5. Andreeva, L.A. & Elbakyan, E.S. (2011) Otnoshenie k dukhovenstvu sosloviy i sotsial'nykh grupp Rossiyskoy imperii (nachalo XX veka) [Attitude to the clergy of estates and social groups of the Russian Empire (early 20th century)]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 10. pp. 69–80.
6. Listova, T.A. et al. (eds) (2001) *Pravoslavnaya zhizn' russkikh krest'yan XIX–XX vekov: Itogi etnograf. issled.* [The Orthodox life of Russian peasants of the 19th–20th centuries: The results of an ethnographic research]. Moscow: Nauka.
7. Voronina, T.A. (2010) Fasting Traditions among Russian Peasants, 19th – Early 20th Centuries. *Rossiya i sovremennyy mir – Russia and the Contemporary World*. 3 (68). pp. 136–147. (In Russian).
8. Sinyakina, E.G. (2011) Psikhologicheskie kharakteristiki russkogo krest'yanstva do revolyutsii 1917 goda [Psychological characteristics of the Russian peasantry before the revolution of 1917]. *Psikhologicheskii zhurnal – Psychological Journal*. 32 (3). pp. 96–104.
9. Sukhova, O.A. (2008) *Desyat' mifov krest'yanskogo soznaniya: ocherki istorii sotsial'noy psikhologii i mentaliteta russkogo krest'yanstva (konets XIX – nachalo XX v.) po materialam Srednego Povolzh'ya* [Ten myths of peasant consciousness: Essays on the history of social psychology and the mentality of the Russian peasantry (late 19th – early 20th centuries) based on the materials of the Middle Volga region]. Moscow: ROSSPEN.
10. Bezgin, V.B. (2004) *Krest'yanskaya povsednevnost' (traditsii kontsa XIX – nachala XX veka)* [Peasant daily life (traditions of the late 19th – early 20th centuries)]. Moscow; Tambov: Tambov State Technical University.
11. Pribylov, Yu.A. (2013) [The works of N.N. Zlatovratsky as a source for studying the religious life of the peasants of Vladimir Guberniya in the second half of the nineteenth century]. *Proceedings of the XVII Interregional Local History Conference (April 20, 2012): in 2 vols.* Vol. 2. Vladimir: Vladimirskaia oblastnaya nauchnaya biblioteka im. M. Gor'kogo. pp. 28–33. (In Russian).
12. Zavoyko, G.K. (1914) Verovaniya, obyady i obychai velikorossiv Vladimirskey gubernii [Beliefs, rituals and customs of Great Russians of Vladimir Guberniya]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 3-4. pp. 80–121.
13. Milov, L.V. (1995) Prirodno-klimaticheskii faktor i mentalitet russkogo krest'yanstva [The climatic factor and the mentality of the Russian peasantry]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 1. pp. 76–87.
14. Kolonitskiy, B.I. (2012) *Simvoly vlasti i bor'by za vlast': K izucheniyu politicheskoy kul'tury rossiyskoy revolyutsii 1917 goda* [Symbols of power and the struggle for power: On the study of the political culture of the Russian revolution]. St. Petersburg: Liki Rossii3.
15. *Staryy Vladimirets*. (1917).
16. *Izvestiya Vladimirskey gubernskoy Vremennogo ispolkoma*. (1917).
17. Bogatyreva, L.P. (2006) Dorevolyutsionnaya Rossiya v pis'makh provintsialov [Prerevolutionary Russia in the letters of provincial people]. In: Zudina, I.N. & Monyakova, O.A. (eds) *Rozhdestvenskiy sbornik* [Christmas collection]. Is. 13. Kovrov: OOO NPO “Mashteks”.
18. *Vladimirske eparkhial'nye vedomosti*. (1917).
19. State Archive of Vladimir Oblast (GAVO). Fund 1186. List 2. File 42. (In Russian).
20. State Archive of Vladimir Oblast (GAVO). Fund 1190. List 1. File 10. (In Russian).
21. State Archive of Vladimir Oblast (GAVO). Fund 556. List 1. File 5045. (In Russian).
22. State Archive of Vladimir Oblast (GAVO). Fund 1186. List 2. File 65. (In Russian).
23. State Archive of Vladimir Oblast (GAVO). Fund 1181. List 1. File 120. (In Russian).
24. *Vladimirskaia zhizn'*. (1917).
25. State Archive of the Russian Federation. Fund 1791. List 6. File 70. (In Russian).
26. *Shuyskie izvestiya*. (1917).
27. State Archive of Vladimir Oblast (GAVO). Fund 1183. List 1. File 3. (In Russian).
28. State Archive of Vladimir Oblast (GAVO). Fund 1181. List 1. File 56. (In Russian).

Received: 04 April 2019